

Встреча на Вишере. Интродукция

Дивная тишина воцарилась тем временем на Тулымском Камне!

Да не так, чтобы всюду:

склоны – хвоями-кронами пышные, бористые, – шелестели себе нежным шелестом,
кротким плеском ручьёв меж собою журились, гомозились жизнью пташей всеместно...

А на тот лишь отрог на тулымский тишь приспела, что подзбором стоит: к стороне закатной, западной.

Но и там – на отроге – не кряду везде молчбю укрылось: лишь в верхах, – то не на всех:

на той, на одной лишь его верхотуре, холодами битой, ветрами бритой, – где скальный венец,
от которого низом – крутизны рвутся к реке: к водам вишерским, что текут величаво:
себе одно ведомой надобой, да влекут тем же поводом рыбные руны...

Там только краткая тишь воцарилась.

И там, на останце гранитном – ей и уютном, ей и любезном, – Рысь возлегла: чинно, вальяжно...
да следила закат, да ждала своего... думы думила:

... вроде, и так же всё было, как вечерами иными:

вчера, и вчера для вчера, и в те вечера, что забыты –

всё так, да не так! – хоть и так же Светило катило, да так же и скатывало за окоём:
туда, где лезвийный предел отсекает Голову Света...

... но здесь: прыжком ниже гранитной плиты, уютной для Рыси, останец венчающей, –
здесь внедавне ещё под красными мхами спали курумы, стекая во сне, камень за камнем,
к отвесному срыву, где гинули свалом или изредкою штукаю...

... и в миг: ни мхов, ни курумов: одна скальность исподняя... да стойком из неё, из голой скалы –
дерево гнусное: гунявое сплошь, всё извоистое... к тому ж и дуплястое... знать, и нежитное:
заблудило в явь к нам от скуки... или по надобе злой... здесь и корни пустило...

... а на корявой да лысой ветви его – Попугай иноземный, кархадский:

дулей застыл самобытною – всем да всему явленным кукишем!..

... и ещё вот незванец-нежданец прибудный образовался: за рысьей спиною, невдале –
Облак надменный, о себя возомнивший, – улёгся бесстыжим на гребне Тулыма...

В том-то местечке – разом недолгим – водворилось безмолвие:

даже ветры вершинные о чём-то задумались – тихнули: в паузе затаились...

шорох всякий изник, шелест смолк, и шумы разноцветные позабылись-избылись:

будь то *“розовый шум”* – мерцательный, сердцу приставший,

и *“коричневый”* – шум водопадов далёких,

или *“красный”* – *“шум пьяной ходьбы”* и случайных блужданий, да морей-океанов,

и *“оранжевый”* – *“шум апельсиновый”* – свистопляской с дудками явленный, Кабанихе же: любый,

и *“зелёный”* – шум жизни привычной, обыденной,

и *“белый”* – шум шумов! – коим бесцельно Мир всеволновый звучит непрестанно... –

тишину вот такую мудрецы нарекли *“чёрным шумом”*, мы же скажем – молчная дивлеть!..

Да коротко длилось-то: миг один... час... Может, и не было вовсе: восторгу почудилось...

Молчище, воцарившее вслед её речам неумильным к Попугаю незваному, Рысь сама и порушила:
толковище затеяла, густо прокашлявшись да зевнув основательно... вроде – приветливо.

— Что нёмствуем? Говори уж, коль сам пожаловал... Не в обычаях наших – на сходбищах мálчивать.

Попугай разул глаз – один только, до того ж оба были под веками: бо смотреть бязно! – прочистил
да увлажнил роговицу мигательной перепонкою, аккомодировал зрак – фокус навёл: где Рысь, объявил:

— У Попугая мысль образовалась... Он её теперь думает!

— Сильно сказал!

— А то!..

— Дóбре... Что за мысль?

Пúпа неспешно и назидательно подъял перст к Верхам да рёк с расстановкой, веско отбивая цезурой
каждую речевую фигуру:

— Как у вас тут тускло, пасмурно, и запах какой-то... нецивилизованный...